

УДК 902/903.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.288.300>

## КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС<sup>1</sup>

©2023 г. А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

На территории грунтового могильника Екатериновский мыс, расположенного в лесостепной зоне левобережья Самарского Поволжья, в 2013–2018 гг. раскопками было изучено 100 погребений эпохи энеолита, из них 69 с сопровождающим инвентарем. Распределение погребального инвентаря неравномерно, в некоторых захоронениях он представлен одним предметом, в других более многочисленный. При анализе изделий из камня обращается внимание на их расположение в погребениях, степень сохранности, сочетание различных категорий инвентаря в одном погребении. Изделия из камня включают тесла, ножевидные пластины и сколы, кольца, бусины, наконечники и их заготовки, навершия скипетров и булавы. Наиболее многочисленными изделиями из камня являются тесла: в 35 погребениях обнаружено 63 экз. Они представлены целыми и специально поврежденными изделиями, отдельными крупными фрагментами, многочисленными осколками от одного орудия. В расположении погребального инвентаря выявлены закономерности. Тесла преимущественно лежали в области головы, плеч и рук, чаще справа, реже – в области груди, живота, тазобедренных суставов, около бедер. Ножевидные пластины укладывали подобным образом и около левого коленного сустава. Булавы и скипетры располагались около черепа, в области плеч, груди, таза. У одного погребенного наконечник дротика найден в ногах, в другом захоронении скопление наконечников находилось в области таза скелета. Отмечена близость инвентаря и некоторых обрядовых черт погребений с вытянутыми и скорченными костяками. Подчеркивается особая близость материалов могильников Екатериновский мыс и Съезжинского и некоторое сходство с хвалынскими могильниками. Материалы могильника Екатериновский мыс относятся к самарской культуре.

**Ключевые слова:** археология, Самарское Поволжье, энеолит, самарская культура, Екатериновский мыс, погребальный инвентарь, каменные изделия, тесла, булавы, кремневые пластины.

## STONE INVENTORY OF BURIALS OF EKATERINOVSKY CAPE BURIAL GROUND<sup>2</sup>

A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov

The burial ground without mounds Ekaterinovsky Cape, located in the forest-steppe zone of the left bank of the Samara Volga region, was studied in 2013–2018, when 100 burials of the Eneolithic, 69 of them with accompanying equipment were excavated. Distribution of burial inventory was uneven, in some burials it was represented by one object while in the others it was more numerous. When analyzing stone products, attention is drawn to their location in burials, the degree of preservation, the combination of different categories of inventory in one burial. Stone products include adzes, knife-shaped blades and flakes, rings, beads, arrow-heads and their blanks, the tops of scepters and maces. The most numerous stone products are adzes: 63 copies were found in 35 burials. They are represented by whole and specially damaged items, separate large fragments, numerous fragments from one tool. Regularities were revealed in the arrangement of the burial inventory. Adzes mainly were found in the area of the head, shoulders and arms, more often on the right, less often in the chest, abdomen, hip joints, near the hips. Knife-shaped blades were laid in a similar way and near the left knee joint. Maces and scepters were located near the skull, in the area of the shoulders, chest, pelvis. One buried person had a dart-head found in his legs; in another burial a cluster of points was located in the pelvis of the skeleton. The proximity of the inventory and some ritual features of burials with elongated and twisted bones is noted.

1 Работа выполнена по гранту РФФИ №22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

2 The work was carried out under the grant of the Russian science foundation No. 22-18-00194 "Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic – Early Iron Age according to the sources of archeology, anthropology, genetics".

The special proximity of the materials of the burial grounds of Ekaterinovsky Cape and S'ezzhee and some similarities with the Khvalynsk burial grounds are emphasized. The materials of the Ekaterinovsky Cape burial ground belong to the Samara culture.

**Keywords:** archaeology, Samara Volga region, Eneolithic, Samara culture, Ekaterinovsky cape, burial equipment, stone products, adzes, maces, flint blades.

Грунтовый могильник Екатериновский мыс расположен в Самарском Заволжье в пограничье степи и лесостепи. В ходе полевых исследований, проводившихся в 2013–2018 гг., на площади 318 м<sup>2</sup> было выявлено 100 погребений эпохи энеолита (Королев, Кочкина, Сташенков, 2020, с. 159–161). Основную группу составляют костяки в положении вытянуто на спине, ориентированные головой не только в северном секторе (преимущественно), но и в юго-восточном. Встречаются вторичные захоронения и захоронения черепов. Небольшую группу составляют костяки с признаками скорченности (на спине или с завалом на бок, полусидя с приподнятой верхней частью туловища и согнутыми ногами). В могильнике представлены мужские, женские и детские погребения, последних значительно меньше.

Многочисленность и разнообразие инвентаря ставит этот могильник в ряд выдающихся памятников раннего энеолита Восточной Европы. Целью данной публикации является анализ изделий из камня, выявленных в погребениях, с учетом их расположения при костяках, степени сохранности, сочетания различных категорий инвентаря в одном захоронении. В культурном слое также присутствовал материал. Находки были рассеяны, не составляли скоплений, за исключением случаев, когда они находились на жертвенных площадках и в жертвенных комплексах. В основном находки из культурного слоя соответствуют материалам погребений и жертвенных площадок и комплексов (бусины, резцы бобра и сурка, фрагменты пластин из клыка кабана и кости, тесла и отщепы, сбитые с тесел, каменные кольца и т. д.). Из слоя также происходят орудия из светло-серого, белого, желтоватого кремня, которые с полным основанием можно связывать с могильником.

Две трети погребений (69%) имеет инвентарь. Его распределение в захоронениях неравномерное. В погребениях могильника представлены каменные тесла; ножевидные пластины и сколы, изготовленные из кремня и кварцита, с ретушью и без ретуши; коль-

ца различных размеров с орнаментом и без него; каменные бусины; мелкие округлые и гантелевидные конкреции; абразивная плита (терочник). Есть наконечники дротиков и копий и их заготовки, отщепы кремня, сбитые с тесел, часто с участками шлифовки. Отдельная категория находок – каменные навершия скипетров и булав и их фрагменты.

Особое значение имело расположение инвентаря в пределах костяков. Повторяемость ряда элементов погребального обряда, очевидно, отражает закономерности погребальных традиций. В связи с этим нужно обратить внимание на сохранность изделий. Большой интерес представляет сочетание различных категорий каменного инвентаря в одном погребении.

Особенностью могильника является большее количество тесел в погребениях: в 35 погребениях обнаружено 63 экз. (при наличии единственного крупного фрагмента или многочисленных осколков от одного орудия, составляющих его значительную часть, они также учитывались как тесло). Материалом для их изготовления служил кремнистый известняк (далее для краткости описания – кремень) белого (молочного), желтоватого, светло-серого цвета, серого цвета, а также мелкозернистый камень зеленого цвета.

Тесла имеют различную степень сохранности. Поверхности тесел, представленных в погребениях целыми экземплярами, зашлифованы, лезвия хорошо заточены. В целом количество завершенных целых орудий невелико – всего 16 экз. (15 кремневых и одно из зеленого камня). Обнаружены изделия, завершенные полностью, у которых не была снята фаска по лезвию. Ее ширина составляла всего 1–2 мм, но этого достаточно, чтобы тесло оставалось не пригодным к употреблению. Единичны заготовки, обработанные только сколами и ретушью. Остальные 24 кремневых и 12 зеленокаменных тесел повреждены в большей или меньшей степени. Часто специально разбитые тесла представлены двумя или несколькими крупными обломками, обычно они поддаются частичному ремонту (рис. 1: 1а, 4б). Систе-

матически встречаются в погребениях тесла с намеренно разбитым лезвием – 30 случаев. Иногда лезвие повреждали частично, но чаще его сбивали полностью. Такие тесла образуют довольно большую группу, из них 16 изготовлены из кремня и 8 из зеленого камня. В ходе совершения обряда орудие держали предположительно в одном положении и наносившими ударами разбивали лезвие. Есть примеры сочетания ударов, направленных не только на разрушение лезвия, но и на раскалывание орудия посередине. Чаще этой процедуре подвергали зеленокаменные орудия – четыре случая, кремневые – два. Отдельно отметим зеленокаменное тесло из погр. 31, от которого собрано 67 мелких осколков. Как правило, обушковая часть порче не подвергалась, только у двух тесел обушок сколот косо и у одного – прямо. В трех случаях отмечены сколы с боковой части тесла. Нередко в погребение укладывали крупные фрагменты, возможно, сломанных при использовании орудий. Осколки разбитых тесел найдены в погребениях и культурном слое. Фиксация обряда порчи вещей на примере многих погребений заслуживает особого внимания. Во-первых, степень сохранности инвентаря составляет одну из важных его характеристик, во-вторых, повторяемость случаев специального разрушения тесел отражает существенную сторону погребального обряда, в-третьих, эти факты проливают свет на сферу духовной жизни оставившего могильник населения (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а).

В 19 погребениях выявлено по одному теслу, в семи – по два, в шести – по три, и в трех – по четыре экз. Длина орудий варьирует от 5 см до 20 см. Численно преобладают кремневые – их 49, остальные зеленокаменные. В 26-ти погребениях находились только кремневые орудия, а в шести – только зеленокаменные. В четырех погребениях они располагались вместе. Отмечены единичные (от одного до шести) отщепы от тесел, а также случаи нахождения в погребениях с кремневыми теслами осколков зеленокаменных и наоборот.

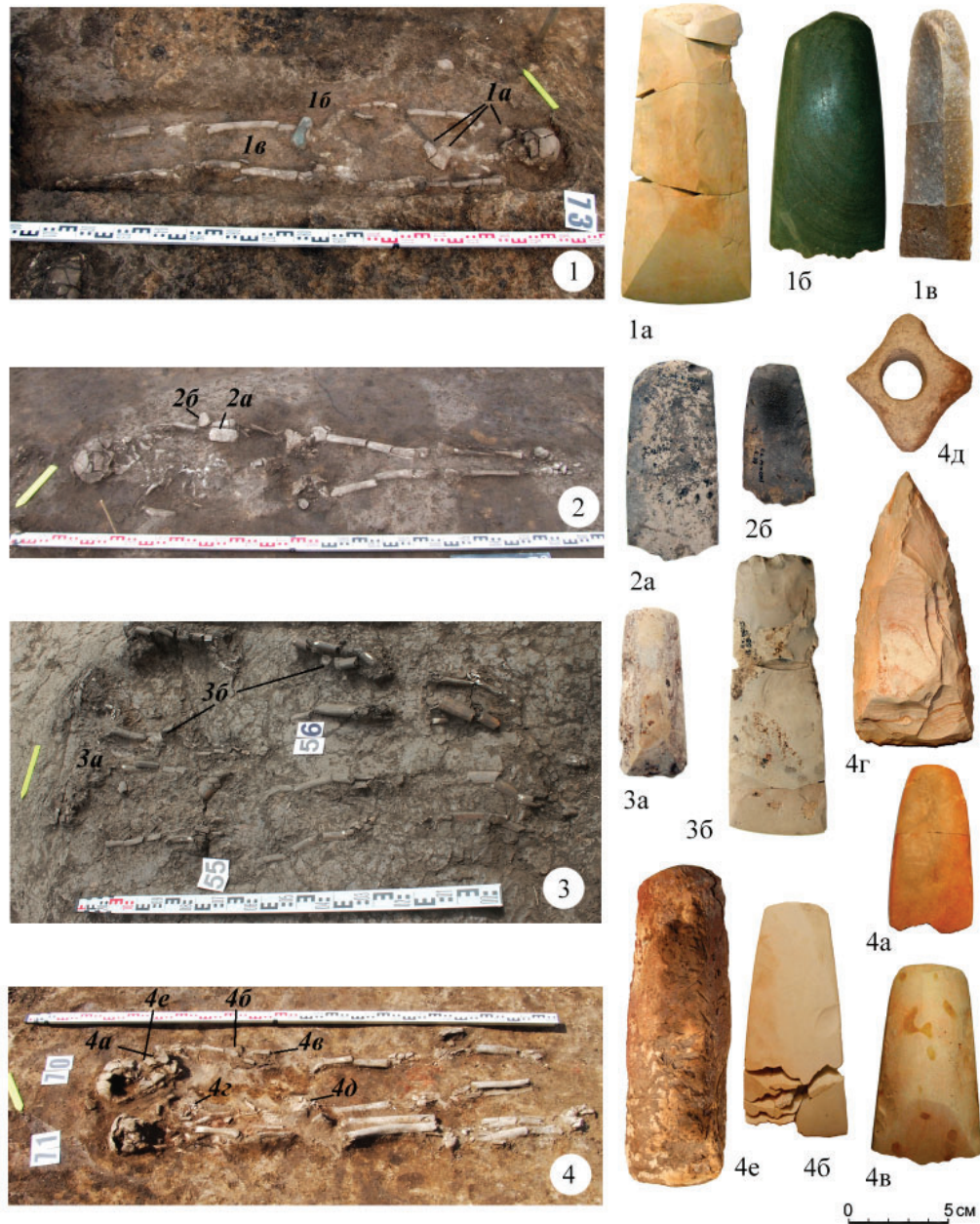
Представляет интерес локализация тесел (целых и крупных обломков) в погребении. В большинстве случаев была выявлена следующая ситуация. Часто тесла укладывали между черепом и плечом справа и чаще слева, таких случаев девять (рис. 1: 1, 1а, 3, 3а, 4, 4е, 4г; 3:

1, 1а). В области груди тесла встречены в пяти случаях (рис. 1: 1, 1а; 3: 2, 2г, 4, 4б). Больше всего их зафиксировано в области рук. Около правой руки найдено 13 тесел (рис. 1: 3б; 2: 1, 1а, 4, 4в; 4: 4, 4а, 4е, 4ж). В области левой руки зафиксировано 8 экз. (рис. 1: 2, 3, 3б, 4, 4б, 4в). Можно отметить, что они находились чаще на плечевой кости или около нее, а также около локтя. Реже локализовались около костей предплечья или несколько в стороне от костей руки.

В области тазобедренных суставов справа найдено два и слева одно тесло (рис. 1: 1, 1б; 2: 2, 2а; 4: 4, 4н). В области живота в двух погребениях находилось четыре тесла, и около левого и правого бедер находилось по одному теслу или крупному фрагменту. Неоднократно фиксировалась специальная укладка фрагментов расколотых тесел. Их могли поместить в одном месте, как в погр. 45, где оба обломка лежали рядом на груди справа (рис. 3: 2, 2г). В погр. 72 один обломок крупного тесла лежал около левой плечевой кости, а второй около правого локтя (рис. 2: 3, 3а). В погр. 41 два тесла лежали на правом плече и одно на груди. От последнего собрано 27 отщепов, часть из них удалось подклеить к негативам сколов. В погр. 56 один фрагмент тесла был положен около правой руки, а второй – около левого бедра (рис. 1: 3, 3б). В соседнем погр. 55 тесло лежало около черепа слева, а отщеп от него находился также около левой бедренной кости. В погр. 30 тесло со сбитым лезвием лежало на левом плече погребенного, а осколки были найдены в области таза. Единственное тесло костяка погр. 53 лежало около правого локтя (рис. 2: 1, 1а), в погр. 80 тесло располагалось около правого тазобедренного сустава (рис. 2: 2, 2а). В погр. 77 одно тесло лежало около правого предплечья и еще два в области живота (рис. 2: 4, 4а, 4б). Проведенные подсчеты примерно по половине тесел с выявленной локализацией показали наличие предпочтений при совершении погребального обряда: преимущественное расположение тесел, во-первых, в области верхней половины скелета, во-вторых, в правой его части.

Отметим, что 22 погребения с теслами сопровождалась посыпкой охрой. Тесла есть в составе инвентаря как рядовых, так и неординарных погребений. Неординарность определяется наличием скипетров и булав, роговых наверший, наличием других выде-





**Рис. 1.** Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

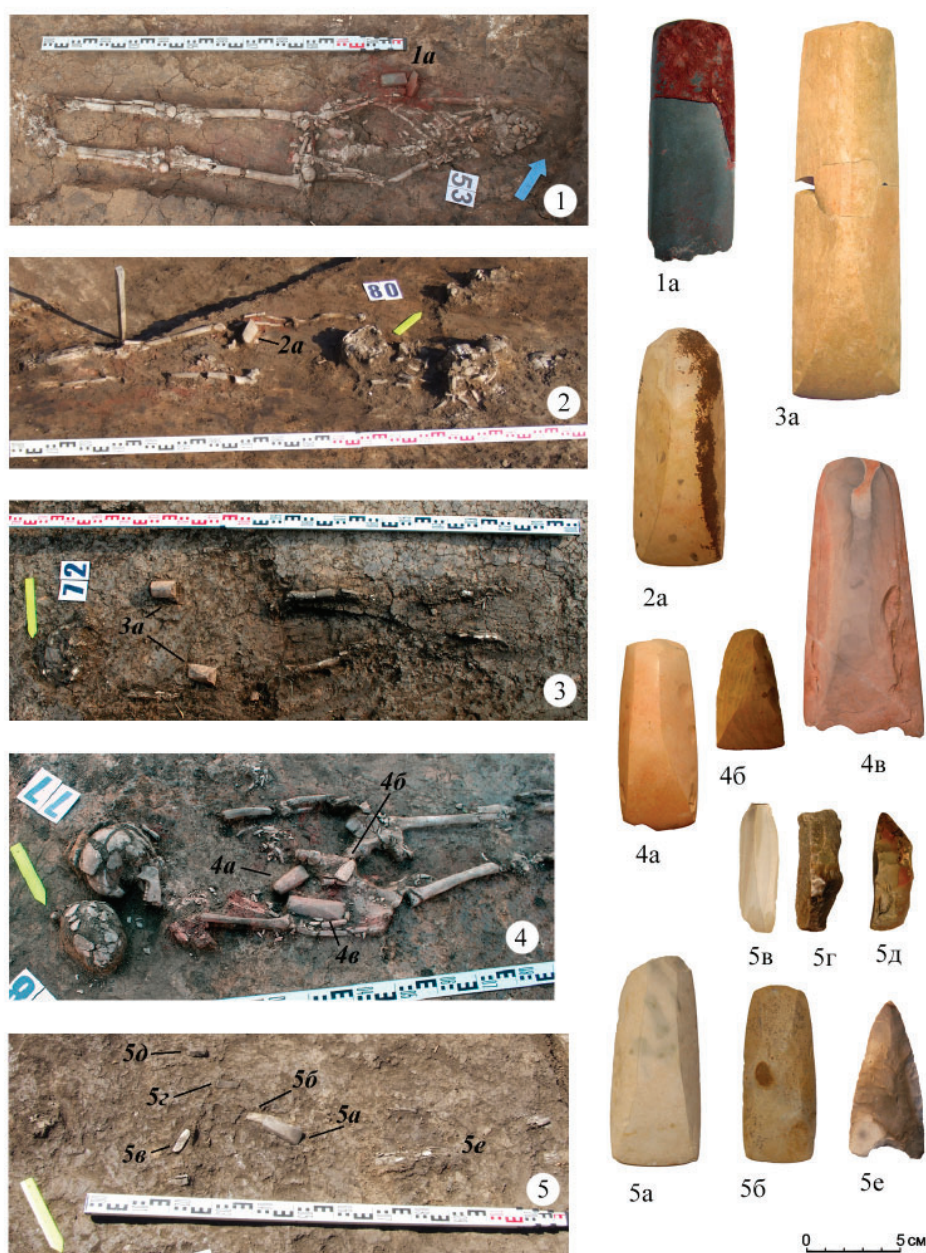
1 – погр. 73 (1а, 1б – тесла; 1в – ножевидная пластина, кварцит); 2 – погр. 39 (2а, 2б – тесла); 3 – погр. 55-56 (3а – погр. 55, тесло; 3б – погр. 56, тесло); 4 – погр. 70-71 (4а, 4б, 4в, 4е – погр. 70, тесла; 4г – погр. 71, заготовка тесла; 4д – погр. 71, навершие булавы).

**Fig. 1.** The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – grave 73 (1a, 1b – adzes; 1v – knife-shaped blade, quartzite); 2 – gr. 39 (2a, 2b – adzes); 3 – gr. 55-56 (3a – gr. 55, adze; 3b - gr. 56, adze); 4 – gr. 70-71 (4a, 4b, 4v, 4e – gr. 70, adzes; 4г – gr. 71, blank of adze; 4д – gr. 71, the pommel of the mace).

ляющихся из ряда инвентаря изделий или особенно многочисленным инвентарем. Сочетание тесел, каменных скипетров (булав) и (или) роговых зооморфных наверший отмечено в погребениях 40, 45, 46, 55, 71, 76, 85, 93. Обычно такие захоронения сопровождалось и другими категориями вещей. Тесла часто

залегали в погребениях с украшениями (бусами, пронизками, подвесками, зубами животных, нашивками), это погребения 13, 21, 31, 40, 41, 45, 46, 53, 58, 70, 71, 73, 85, 89, 93, 95, 99, 101. В ряде случаев тесла были единственной категорией инвентаря, как в погребениях 5, 8, 27, 30, 39, 56, 65, 72, 77, 80. Несомненно,



**Рис. 2.** Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 53 (1а – тесло); 2 – погр. 80 (2а – тесло); 3 – погр. 72 (3а – тесло); 4 – погр. 77 (4а, 4б, 4в – тесла); 5 – погр. 67 (5а, 5б – тесла; 5в – ножевидная пластина, кремнь; 5г – скребок, кварцит; 5д – скребок, кремнь; 5е – наконечник дротика, кремнь).

**Fig. 2.** The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 53 (1a – adze); 2 – gr. 80 (2a – adze); 3 – gr. 72 (3a – adze); 4 – gr. 77 (4a, 4b, 4в – adzes); 5 – gr. 67 (5a, 5b – adzes; 5в – knife-shaped blade, flint; 5г – scraper, quartzite; 5д – scraper, flint; 5е – dart-head, flint).

что в погребальном обряде тесла выполняли важную роль. Об этом свидетельствует разнообразие обращения с теслами, которые представлены целыми или в различной степени фрагментированными, уложенными в определенное место погребения. Привлекает внимание отмеченные многократно повторяющиеся

действия по разрушению тесел. Они отражают существование традиции, имеющей значение культурного признака.

Из погребений могильника происходит 15 каменных скипетров и булав. Два скипетра было найдено в стороне от погребений в составе жертвенных комплексов (рис. 4: 5). В





Рис. 3. Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 40 (1а – тесло; 1б – фрагмент скипетра; 1в – тесло; 1г – ножевидная пластина, кремь); 2 – погр. 45 (2а – скипетр; 2б, 2в – булавы; 2г – тесло; 2д, 2е – ножевидные пластины, кварцит); 3 – погр. 52 (3а – браслет; 3б – бусина; 3в – ножевидная пластина, кремь; 3г, 3д – конкреции; 3е – фрагмент скипетра); 4 – погр. 76 (4а – скипетр; 4б – тесло); 5 – жертвенная площадка, навершие булавы.

Fig. 3. The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 40 (1a – adze; 1b – fragment of a scepter; 1v – adze; 1g – knife-shaped blade, flint); 2 – gr. 45 (2a – scepter; 2b, 2v – maces; 2g – adze; 2d, 2e – knife-shaped blades, quartzite); 3 – gr. 52 (3a – bracelet; 3b – bead; 3v – knife-shaped blade, flint; 3g, 3d – stone nodules; 3e – fragment of the scepter); 4 – gr. 76 (4a – scepter, 4b – adze); 5 – sacrificial platform, the pommel of the mace.

одиннадцати погребениях (18, 40, 45, 46, 52, 69, 71, 76, 79, 90, 93) найдено 13 таких наверший. Эти изделия самим фактом помещения в могилу демонстрируют особое отношение к погребенным. Вопрос их социального статуса следует рассматривать специально, учитывая

всю совокупность данных, так как навершия были выявлены не только во взрослых, но и в детских захоронениях. Отметим сочетание булавы/скипетра с роговыми зооморфными навершиями, ножевидными пластинами и украшениями в погр. 40, 45, 46 (Королев и др.,

2018, с. 287–295; Korolev, Kochkina, Stashenkov, 2019, p. 394–395).

Яркий набор вещей, включая пекторали и нашивки из клыков кабана, обнаружен в погр. 93 (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а, с. 41). Отмечены и другие сочетания категорий инвентаря. Так, в погр. 18 располагались скипетр (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515, рис. 1: 10), ножевидная пластина и бусы из раковин, в погр. 52 находился фрагмент скипетра, видимо, переделанный в зооморфную фигурку, каменный браслет, бусина, конкреции с отверстиями, пластинчатый скол (рис. 3: 3, 3а-д), в погр. 69 и 79 – только булава. Отдельно отметим погр. 90, в котором костяк находился в скорченном положении и сопровождался крестовидной булавой и костяной ложечкой (Королев, Кочкина, Сташенков, Хохлов, 2018, с.63, рис. 6: 1–2).

Положение булав/скипетров в погребениях не всегда устанавливается надежно. Особенно трудно определить локализацию наконечника относительно костяка в плохо сохранившихся погребениях. Так, можно отметить, что в погр. 46 наконечники располагались рядом с сохранившимся зубом человека в компактно уложенном инвентаре, а в погр. 69 – рядом с остатками черепа (рис. 4: 3, 3а). В уникальном по обряду и составу инвентаря погр. 93 скипетр лежал в месте концентрации вещей в северо-восточной части ямы слева от единственной кости человека. В погр. 79 булава находилась в составе «пакета» (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018а, с.41, рис. 1, 1–2). В погр. 18, 40 и 52 фрагменты скипетров находились над левым плечом около черепа (рис. 3: 1, 1б, 3, 3е), а в погр. 76 – справа от черепа (рис. 3: 4, 4а). В погр. 90 булава находилась около правого плеча костяка (Королев и др., 2018, с. 59–61). В погр. 45 находилось сразу три разнотипных наконечника (Королев и др., 2018), одно наконечник лежало на правой стороне груди и еще два на правом плече (рис. 3: 2, 2а-в). Наконечник из погр. 71 локализовалось в области таза (рис. 1: 4, 4д), как и булава из погребения XXXI Мариупольского могильника (Макаренко, 1933, с.78, рис. 37).

Все наконечники имеют просверленные отверстия, относятся к группе втульчатых и представлены разными типами: уплощенно-круглые, крестовидные, зооморфные, ромбические, с выступами – «цапфами». Немаловажным представляется факт сочета-

ния наконечников различных типов в рамках не только одного могильника, но и даже одного погребения

Еще одна категория погребального инвентаря – ножевидные пластины и пластинчатые сколы из кремня и кварцита. Кремень светло-серый блестящий, серый полосчатый, коричнево-серый, молочно-белый, желтовато-серый. Кварцит также различается по сырью: серый с белесым оттенком, мелкозернистый серого цвета, качественный желтовато-серого оттенка. Пластины по размерам различаются от мелких до крупных (до 18 см в длину и до 3,5 см в ширину). Встречаются пластины с обработанными ретушью краями и без обработки.

В 13 погребениях найдено 17 пластин из кремня, из них три пластины и нож на пластинчатом отщепе происходят из погр. 46, два экземпляра из погр. 97, в остальных – по одной. Из пяти погребений происходят 11 кварцитовых пластин, из них один целый экземпляр и пять мелких фрагментов (видимо, от трех пластин) из погр. 46. Две пластины находились в погр. 45, в остальных по одной. Сочетание кремневых и кварцитовых пластин зафиксировано в погр. 46 и 73. Несмотря на небольшое количество пластин, некоторые закономерности их размещения в погребениях можно отметить. В погр. 42, 43, 92, 97 инвентарь был представлен только пластинами. Но чаще они были найдены в погребениях с инвентарем, в том числе с «престижным». Таковы погр. 18, 40, 45, 46, в составе инвентаря которых были наконечники булав/скипетров. В погр. 18, 20, 40, 45, 46, 60, 73, 74, 88 пластины сопровождалось украшениями, а в погр. 40, 45, 46, 73 еще и теслами. В погр. 67 кроме ножевидной пластины располагались наконечник дротика, тесла, два скребка из кремня и кварцита. В погр. 45 одна пластина находилась около левой большой берцовой кости, другая – на бедренной.

В размещении ножевидных пластин в погребениях, там, где их можно было локализовать, в целом повторяется ситуация, отмеченная для тесел. Они лежали справа от черепа – 2 экз., около правой плечевой кости – 1, левой – 3, здесь же найдены сколы кремня и кварцита в погр. 67. В области груди и живота, справа и слева от таза, под левой голенью, зафиксировано по одной пластине. Около левого колена отмечено три пластины.





**Рис. 4.** Могильник Екатериновский мыс. Каменный инвентарь из погребений.

1 – погр. 58 (1а – кольцо; 1б, 1в, 1г – тесла); 2 – погр. 49 (2а – кольцо); 3 – погр. 69 (3а – навершие булавы); 4 – погр. 85 (4а, 4е, 4н, 4ж – тесла; 4б, 4в, 4г, 4и, 4к, л, 4м, 4з – заготовки наконечников, кремь; 4д – наконечник стрелы, кремь).

**Fig. 4.** The burial ground of Ekaterinovskiy Cape. Stone tools from burials.

1 – gr. 58 (1a – ring; 1b, 1v, 1r – adzes); 2 – gr. 49 (2a – ring); 3 – gr. 69 (3a – the pommel of the mace); 4 – gr. 85 (4a, 4e, 4n, 4zh – adzes; 4b, 4v, 4g, 4i, 4k, l, 4m, 4z – blanks of tips, flint; 4d – arrowhead, flint).

Отметим случаи явно специальной поломки пластин из погр. 45 и 74. К ним были подобраны фрагменты, найденные на некотором отдалении в культурном слое. Интересен вопрос соотношения с материалами могильника ножевидных пластин-вкладышей, которые единично были найдены в культурном слое на

площадке могильника и в составе жертвенного комплекса (Королев, Кочкина, Сташенков, 2020, с. 33, рис. 1, 11–17). Однако в погребениях подобные изделия не встречены.

Интересно, что с точки зрения применения в хозяйственной деятельности человека пластин явно должно быть больше, чем



тесел, а погребальном инвентаре наблюдается обратная ситуация. Примечательно в этом плане сравнение с Мариупольским могильником, для которого характерно большое количество ножевидных пластин, а тесла относятся к редкой категории инвентаря (Макаренко, 1933, с. 28, 34–35). Для более поздних погребений энеолита выявлена иная закономерность: пластины преобладают над каменными теслами (Кореневский, 2012, с. 89).

К числу изделий из камня относятся крупные и небольшие кольца. В пяти погребениях (33, 49, 52, 58, 91) было найдено пять колец. Они представлены целыми экземплярами и фрагментами. Обращают на себя внимание два крупных кольца – браслеты, изготовленные из камня черного цвета. Браслет из погр. 52 обнаружен надетым на плечевую кость. Соответствующее положение браслетов неоднократно зафиксировано в погребениях Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, с. 81, 88, 97, рис. 49: 3). В погр. 91, где костяк практически не сохранился, в охристом пятне найден аналогичный браслет меньшего размера. Разъемные с пропилом маленькие кольца сделаны из серого сланца и камня или минерала бурого цвета. В погр. 58, где было найдено такое кольцо, еще найдены половинки трех разных тесел. В культурном слое также обнаружены одно целое и фрагменты аналогичных колец.

Остановимся на некоторых территориально и хронологически близких аналогиях. В наиболее близком по материалам Съезжинском могильнике кольца отсутствуют. В могильнике мариупольского типа Голубая Криница выявлено аналогичное по форме разомкнутое кольцо (Скоробогатов, 2022, с. 167, рис. 2: 14). Серия каменных разомкнутых колец происходит из разрушенного Ивановского могильника (Моргунова, 1979, с. 16). Фрагмент браслета, цельные и разомкнутые кольца имеются в коллекции Хвалынского I могильника (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 126, рис. 30, 25, 38–40). Браслеты были выявлены в погребении у с. Криволучье (Гольмстен, 1931, с. 9). Цельные кольца получены в Мурзихинском II могильнике (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 82, рис. 1: 15). Представительная коллекция колец происходит из Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, табл. V–VI). Обнаружены они в памятниках степной полосы, например, Комаро-

во, курган 7, погр. 18 (Кореневский, 2012, с. 151, рис. 16: 8–10). Примечательно сочетание браслетов и разомкнутых колец в могильниках Екатерининский мыс и Хвалынский I.

Каменные бусины черного, зеленого, коричневого цвета малочисленны. В двух случаях они входили в состав инвентаря «престижных» погр. 40 и 52. В погр. 31, 33, 40, 52 были найдены «гантелевидные» и каплевидные конкреции без специальной обработки. Относительно других категорий инвентаря упомянем найденную в погребении 16 каменную плиту с абразивной поверхностью.

Характеризуя каменный инвентарь из погребений могильника, следует остановиться на возможной корреляции материалов из погребений с вытянутыми на спине костяками с инвентарем, полученным из погребений со скорченными костяками. Достоверные данные, позволяющие охарактеризовать положение костяка как полусидячее, были получены при изучении погр. 90 (Королев и др., 2018, с. 59–61). Отчетливые признаки скорченности с приподнятой верхней половиной туловища и согнутыми коленями вверх ногами зафиксированы в погр. 85. Кроме особой позы костяка, это захоронение отличалось рядом особенностей инвентаря. Важно отметить присутствие наконечника стрелы треугольной формы с прямым основанием (рис. 4: 4д) и оформленных в различной степени заготовок крупных наконечников листовидной формы с приостренным и прямым основанием. Единственной аналогией им на могильнике можно считать наконечник дротика, лежавший в ногах погребенного с вытянутым костяком (погр. 67), но он имел основание с выемкой. Отметим находку кварцитового наконечника аналогичной формы в культурном слое и два наконечника из жертвенного комплекса могильника (Королев, Кочкина, Стащенко, 2020, с. 33, рис. 1: 9–10). Треугольный наконечник стрелы с прямым основанием совпадает по форме с одним из наконечников Криволучского погребения (Гольмстен, 1931, с. 8), с наконечником из Хвалынского II могильника (Горашук, 2010, с. 352, рис. 30: 10), а также с наконечниками, найденными вне погребений Хвалынского I могильника (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 121, рис. 25: 1–4, 6). Наконечник дротика с выемкой в основании близок наконечнику из Нальчикского могильника (Круглов и др., 1941, с. 111, рис. 63: 6).

При костяке погр. 85 также находилось четыре тесла, которые имели небольшие размеры и шлифованную поверхность (рис. 4: 4, 4а, 4ж, 4н). Два тесла – целые, у третьего лезвие сбито с одной стороны типичным для могильника приемом, четвертое расколото поперечным ударом пополам и у него частично повреждено лезвие, что соответствует приведенному выше описанию. Сходство скорченных захоронений с вытянутыми подкрепляется найденной в погр. 85 зооморфной фигуркой на костяной пластине. Некоторые признаки скорченности демонстрирует и погр. 52, в котором обнаружены браслет и каменная бусина. Найденный в этом погребении фрагмент скипетра типологически входит в один ряд с зооморфным скипетром из погр. 46, а небольшие каменные кольца и бусины отмечены в погребениях с вытянутыми костяками. Таким образом, материалы могильника свидетельствуют о синхронности вытянутых и скорченных погребений. Это наблюдение по материалам могильника Екатериновский мыс подтверждает вывод И.Б. Васильева о близости и преемственности материалов Съезжинского и Хвалынского I могильников (Васильев, 1981, с. 34–35).

Подводя итог, необходимо отметить, что для территории Среднего Поволжья такая обширная источниковая база данных по погребальному обряду и инвентарю эпохи энеолита проанализирована впервые. В частности, это относится к скипетрам, для изучения эволюции которых особое значение имеет находка небольшого изделия с цапфами с жертвенной площадки могильника Екатериновский мыс (рис. 3: 5). Оно морфологически близко наверхиям из могильников хвалынской культуры. В Хвалынском I могильнике найдено два втульчатых наверхия с цапфами (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 114, рис. 18: 7, с. 117, рис. 21: 4–5). Скипетр с боковыми выступами происходит также из Криволучского погребения (Гольмстен, 1931, с. 9). Наличие близких и, возможно, исходных форм на могильнике Екатериновский мыс позволяет наметить развитие этого типа от крестовидного до удлиненного с цапфами (рис. 1: 4д; 4: 3а; 3: 5).

В Хвалынском II и Хлопковском могильнике втульчатых изделий нет. В Хвалын-

ском II могильнике содержится черешковый схематично-зооморфный скипетр и заготовка второго (Горашук, 2010, с. 303–305). В Хлопковском найдены черешковые реалистичный и схематичный скипетры (Малов, 2008, с. 128, рис. 21: 1–2).

Анализ погребального инвентаря и некоторых особенностей обряда подтвердил связь могильников Екатериновский мыс и Съезжинского. Она неоднократно подчеркивалась с позиций наличия общих категорий инвентаря, наличия жертвенных площадок и т.д. (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515–517; 2019, с. 26–27). Анализ технико-технологических и морфологических характеристик керамики позволил обосновать принадлежность могильника к самарской культуре и высказать предположение о его несколько более поздней хронологической позиции (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 517; 2019, с. 29; Васильева, 2019, с. 43). Остановимся на особенностях каменного инвентаря этих памятников.

Обращает на себя внимание типологическая близость тесел, которые в обоих могильниках представлены как крупными орудиями вытянутых пропорций с четко выведенными гранями, так и небольшими и даже миниатюрными изделиями. В Съезжинском могильнике они изготовлены из аналогичного сырья «грязно-белого, желтого и зеленоватого камня» (Васильев, Матвеева, 1979, с. 160), зеленокаменное тесло представлено единственным экземпляром (всего в трех погребениях обнаружено семь тесел). Это соотношение в целом проявляется в могильнике Екатериновский мыс, где также преобладают кремневые тесла. Характер повреждений на теслах обоих могильников также совпадает (Васильев, Матвеева, 1979, с. 153, рис. 4: 3–4). В погребениях могильника Екатериновский мыс представлены специально фрагментированные крупные пластины и в инвентаре Съезжинского могильника есть сломанная пополам крупная ножевидная пластина (Васильев, Матвеева, 1979, с. 160). Приведенные данные позволяют подкрепить сделанные ранее выводы о культурном единстве двух памятников. Различия в погребальном обряде и инвентаре иллюстрируют хронологическую последовательность этих памятников.



## ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 160с.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 33–46.
- Гольмстен В.В.* Погребение из Криволучья // СГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.
- Горащук И.В.* Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 287–356.
- Корневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М: Таус, 2012. 256 с.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНИЦ РАН. 2015. Т. 17. №3 (2). С. 514–517.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* К изучению обряда порчи вещей по данным могильника Екатериновский мыс // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород: БелГУ, 2018а. С. 3–10.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Председатель редколлегии А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018б. С. 40–42.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.) // Поволжская археология. 2019. № 1(27). С. 18–32.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Могильник Екатериновский мыс как источник изучения энеолита Восточной Европы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020а. С. 159–161.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Вещь в контексте жертвенного комплекса по данным могильника Екатериновский мыс // Вещь в контексте погребального обряда / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020б. С. 24–34.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А.* Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2018. №3 (25). С. 58–67.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В.* Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum plus. 2018. №. 2. С. 285–302.
- Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в г. Нальчик // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА. № 3 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 67–146.
- Макаренко М.* Мариупольский могильник. Київ: ВАН, 1933. 151 с.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Изд-во Научная книга, 2008. С. 32–134.
- Моргунова Н.Л.* Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 15–20.
- Скоробогатов А.М.* Голубая Криница – грунтовой могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 165–173.
- Чижевский А.А., Шупилов А.В.* Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.
- Korolev A., Kochkina A., Stashenkov D.* The Early Eneolithic burial ground at Ekaterinovskiy Cape in the forest-steppe Volga region. // Documenta Praehistorica. XLVI (2019). Pp. 388–397.

**Информация об авторах:**

**Королев Аркадий Иванович**, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

**Кочкина Анна Федоровна**, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@alabin.ru

**Сташенков Дмитрий Алексеевич**, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

**REFERENCES**

Agapov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsk Eneolithic Burial Ground)* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 1981 *Eneolit Povolzh'ya (step' i lesostep') (Chalcolithic of the Volga River area: steppe and forest-steppe)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian).

Vasil'eva, I. N. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 33–46 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* (6), 7–12 (in Russian).

Gorashchuk, I. V. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsk Eneolithic Burial Grounds and the Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 287–356 (in Russian).

Korenevskii, S. N. 2012. *Rozhdenie kurgana (pogrebal'nye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Don'skogo mezhdurech'ya) (Emergence of kurgan: Burial monuments of the Eneolithic period in The Northern Caucasus and Volga – Don interfluvium)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3 (2), 514–517 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In Sarapulkin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochnoevropeskoj lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Belgorod: Belgorod State University, 3–10 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21<sup>st</sup> Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 40–42 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 18–32 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2020. In Derevianko A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6<sup>th</sup> (22<sup>nd</sup>) All-Russia Archaeological Congress in Samara)* I. Samara: Samara State Pedagogical University, 159–161 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2020. In Yatsenko, S. A., Kupriyanova, E. V. (eds.). *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada (Article in the burial rite context)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 24–34 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 58–67 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Roslyakova, N. V. 2018. In *Stratum plus*. 2, 285–302 (in Russian).

Kruglov, A. P., Piotrovskii, B. B., Podgaetsky, G. V. 1941. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy po arkheologii Kabardino-Balkarii (Materials on the archaeology of Kabardino-Balkaria)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 3. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 67–146 (in Russian).



Makarenko, M. 1933. *Mariyupil'skiy mogil'nik (Mariupol burial ground)*. Kiev: All-Ukrainian Academy of Sciences (in Ukrainian).

Malov, N. M. 2008. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 32–134 (in Russian).

Morgunova, N. L. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 15–20 (in Russian).

Skorobogatov, A.M. 2022. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 11, no. 1, 165–173 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21<sup>st</sup> Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 80–84 (in Russian).

Korolev, A., Kochkina, A., Stashenkov, D. 2019. In *Documenta Praehistorica XLVI*, 388–397 (in Russian).

#### About the Authors:

**Korolev Arkadii I.** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. L.Tolstoy St., 47, Samara, 443010, Samara, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

**Kochkina Anna F.** Head of Department. Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation;; archeo@alabin.ru

**Stashenkov Dmitriy A.** Candidate of Historical Sciences, Samara Region Alabin Museum of History and Local Lore. Leninskaya Str., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru



Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.  
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.  
Авторы внесли равноценный вклад в работу.